

Лекция

**Современные русские говоры –
источник для изучения истории языка и кладовая народной мудрости**

План

1. Основные понятия диалектологии: диалект, говор, наречие. Наречия русского языка: языковые особенности и территория.
2. Древнерусское наследие в современных говорах.
3. Диалект донского казачества как особое лингвистическое и культурологическое явление.
4. Диалектные метафоры – пример народного языкового творчества.

Как вы считаете, все ли русскоговорящие люди говорят одинаково (если не брать во внимание индивидуальные особенностей и дефектов речи человека)?

Конечно же, нет.

Наверняка каждый из вас замечал какие-либо особенности в речи человека, приехавшего издалека, чувствовал, что он говорит как-то иначе. Или сами, приехав в другой регион, мы часто слышим произношение слов или интонации, непривычные для нас. И без сомнения, если вы бывали в деревне и слышали речь деревенских жителей, особенно старшего поколения, вы наверняка заметили её отличия от речи, звучащей в городе.

В чем же причина таких различий? Может быть, причина только в малограмотности деревенских бабушек? Но что тогда сказать о человеке средних лет или молодом человеке, приехавшем, например, из Вологодской области и говорящем [голова], [пойду], вместо привычных нам [гълава], [пайду]. Это тоже плоды малограмотности? Или, например, в чем причина такого привычного для нас, живущих в южном регионе, и практически неискоренимого произношения фрикативного [γ] вместо взрывного [г]? Не может же страдать от безграмотности вся южная территория европейской части России разом!

Причина этих и других отличий в речи кроется в *диалектном окружении* человека. По тому, как мы говорим, можно судить не только о нашем кругозоре и образовании, но и о том, из какой местности мы родом, особенно, если мы родом из деревни. Если не мы сами, то наши родители, бабушки и бабушки.

Диалектное окружение – это диалект, на территории бытования которого живет человек.

Из школьного курса русского языка многие помнят, что *диалекты* делятся на социальные и территориальные. *Социальным* диалектом, например, является молодёжный жаргон, или жаргоны каких-либо неформальных мо-

лодежных групп, или профессиональные жаргоны. Эти диалекты рождаются, входят в моду и могут исчезнуть вместе с социальными группами, которые они обслуживают.

Наука **диалектология** занимается изучением **территориальных** диалектов. Территориальный диалект (или **говор**, если речь идет об отдельной деревне, селе) – это разновидность языка, бытующая на ограниченной территории. В нашем случае мы говорим о русском языке и, следовательно, о русских диалектах или говорах. Основные территориальные различия русского языка сложились уже в XV в. н.э. и значительная их часть существует до наших дней.

Давайте обратимся непосредственно к диалектологической карте русского языка и посмотрим, какие территориальные единицы выделяются на ней (см. слайд 1). Эта карта создана учеными АН СССР в 1964. На ней отражена территория европейской части России, здесь русские говоры сформировались еще до XV в.

Говоры русского языка по языковым особенностям объединяются в группы говоров, а группы говоров – в наречия. На представленную карту нанесены наречия русского языка.

Зеленым цветом обозначено северное наречие, которое располагается, как вы видите, в северной и северо-восточной частях европейской территории России.

Красным цветом обозначено южное наречие – в южной и юго-западной частях.

Между наречиями расположены среднерусские говоры (обозначены **желтым цветом**), совмещающие особенности северного и южного наречия.

У вас может возникнуть вполне логичный вопрос: а как же все остальные территории огромной России, что *там*, ведь на карту нанесена только европейская часть? Кроме указанных на карте желтым цветом территорий, среднерусские говоры распространены сейчас и далеко на востоке: в Заволжье, в Приуралье, в Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Они образовались там, где произошло междиалектное взаимодействие, куда русскоговорящие люди переселялись гораздо позже: в 18, 19 веках.

Чтобы сравнить северную и южную речь, предлагаю вам послушать отрывки из текстов, записанных на территории разных наречий.

Северная речь (слайд 2). Отрывок из текста, записанного в середине XX в. в Кировской области со слов женщины по фамилии Шаклеина. Она рассказывает о поездке к врачу.

[Колды поехал'и в горот ко врац'у, тол'ец'ко стал'и н'ер'ейежжат' лог-от, да как тр'ехануло кузов-от наш, так и пол'ет'эл'и фс'е наши ц'емоданы и котомоц'к'и к ц'ерт'ам собац'йим, ц'ут' жывы остал'ис'а. Пр'ишл'и г дохтуру, он ба́йот: Говор'и, Шакл'эина, ц'о у т'еб'а бол'ит, а йа йему говор'у, шт'о у с'ерц'а н'е ба́ско, говор'у, как поткát'ит, дак полц'еса

н'е отвáл'ит. А потом байу н'е да́йут м'ен'е руц'ен'ки-т'е по ноц'ам спат', н'е знайу уш шт'о с им'ám и д'елат', можот йэто от роботы...]

Далее – **южная речь (слайд 3)**. Диалог двух мужчин, записанный в Воронежской области.

[– Вас'к, а Вас'к, пайд'ом чайк'у папйом!

– Н'и пайду, н'и хачу!

– Ды в'ит' ты ф'с'е картушки прадал, чауо ш таб'е шишо? Ай жан'е л'енты хочиш купит'? И так б'аз н'их хараша!

– Сказал таб'е – н'и пайду. Атв'ажыс' ат м'ин'е, мн'е нужна скар'ея да дому ехат'.

– Йа жжай-йа жжай, там жана жд'от', на уалофк'и пауладит'. А то пайд'ом чайк'у изап'йом...

– Йа н'и пайду, запр'ауу лошат' и ка двару. Ступай ад'ин! (Молчание.) Ну ды чауо таруаватца, ит'ит' так пайд'ом, авос' жана падажд'от'.]

Наверняка те из вас, кто, как и я, живет на южной территории России, слышали много знакомого во втором тексте и очень много непривычного – в первом.

Давайте проанализируем, чем конкретно отличается северная речь от южной. В диалектологии выделяют **четыре основные черты**, по которым противопоставлены наречия русского языка (см. слайд 4).

Во-первых, это северное оканье (*колды пойехал'и в горот*) и южное аканье, которое не «режет» слух, потому что присуще русскому литературному языку (*пайд'ом, папйом*).

Во-вторых, произношение взрывного [г] на севере, как и в литературном языке (*горот, говор'и*) и фрикативного или щелевого [γ] – на юге (*на уалофк'и пауладит'*).

В-третьих, окончания глаголов третьего лица на севере звучат с твёрдым [т] – как в литературном языке (*ба́йот, потка́т'ит, отвáл'ит*), а на юге – с мягким [т'] (*жана жд'от', на уалофк'и пауладит'*).

И, в-четвертых, местоимения I, II лица и возвратное имеют в родительном и винительном падежах окончание –а на севере (*у меня, у тебя, у себя: ц'о у т'еб'а бол'ит*) и окончание –е – на юге (*у мене, у тебе, у себе: атв'ажыс' ат м'ин'е*).

Посмотрите снова на тексты (слайды 2, 3), какие еще особенности, помимо перечисленных, вы заметили?

Наверняка заметили в северном тексте особое произношение звука [ц] на месте [ч]. Это характерное для северного наречия **цоканье**: *ко врац'у, ц'емоданы, руц'ен'ки-т'е*. В тексте встретилась северная лексика: *баять* ‘говорить’, *колды* ‘когда’.

Во втором тексте обращает на себя внимание южное **яканье** (*йајжжай-йајжжай, запр'ауу, чауо*) или типично южная неопределенная форма глагола *ит'ит'* (т.е. *идти*).

Все указанные языковые особенности, и четыре основные, противопоставляющие наречия друг другу, и те, которые в рамках нашей лекции охватить невозможно, могут по-разному сочетаться в среднерусских говорах. Выше мы уже упомянули, что эти говоры сочетают черты северного и южного наречия.

Таким образом, речь северных и южных территорий России может значительно различаться, но, тем не менее, все русскоговорящие люди практически всегда понимают друг друга. Почему?

Дело в том, что диалект – это *разновидность* языка (а не другой язык), благодаря этому люди, говорящие на разных диалектах, легко понимают друг друга. Понятна диалектная речь и носителям литературной нормы, т.е. людям, владеющим литературным языком, потому что русский литературный язык – это тоже разновидность *национального русского* языка.

Давайте сравним эти две разновидности языка: литературный язык и диалект (см. слайд 5).

В отличие от литературного языка, диалект:

а) используется преимущественно в бытовом общении (т.е. дома, в семье),

б) территориально ограничен,

в) бытует только в устной форме и вследствие этого –

г) не имеет закрепленных на письме норм и правил (в литературном языке это нормы произношения, правописания и др., закрепленные в учебниках, справочниках), нормы в диалекте передаются «из уст в уста», от детей к родителям.

Вследствие последнего диалекты изменчивы, меняются они под влиянием литературного языка и в результате взаимовлияния. Уходит из диалектов в первую очередь наиболее яркое, заметное. Например, в настоящее время значительно сократились ареалы оканья и цоканья.

Следуя логике нашего рассуждения и плану лекции, мы подошли к вопросу: **а чем же ценны диалекты?** Зачем их исследовать, если они – за рамками литературной нормы?

Однако давайте не будем забывать следующее: несмотря на то, что местные говоры выходят за рамки литературной нормы, они находятся в рамках русского *национального* языка, который сформировался в XVII в. на основе языка великорусской народности. Язык великорусской народности выделился в свою очередь из общего для всех восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов) древнерусского языка, существовавшего в период с XI по XIV вв.

Одна из множества причин, по которым нужно записывать и изучать местные говоры заключается в следующем: современные диалекты представляют собой хранилище, в котором до наших дней остались неизменными звуки, формы слов, слова древнерусского языка, утраченные русским литературным языком. Следовательно, говоры являются одним из важнейших источников изучения истории языка.

Что именно сохранили для нас говоры?

Например, характерное для северных говоров **оканье** является прямым наследием древнерусского языка. Аканье не было свойственно древнерусскому языку и развилось в нем лишь в XIII-XIV вв. Доказательством появления аканья в произношение служит его отражение на письме в древнерусских памятниках. Поскольку сформированных норм правописания в этот период развития языка не было, то на письме отражалось произношение, проще говоря, как слышали, так и писали.

Посмотрим на отрывки из древнерусских текстов разных периодов истории языка (слайд 6).

«Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода» (около 1130 г.): ...**дон~лнже с# миръ състоитъ молитѣ бога за м# и за моh днти...** Написание подчеркнутых букв свидетельствует о том, что для древнерусского языка было характерно оканье, тем более, если сравнить это написание с более поздними памятниками.

Так, в «Московском (Сийском) Евангелии» 1340 г. есть факты написания **Ѧ** на месте **Ѧ**: ...**в дпустнвшини земли..., кака ты глаголеши...**

«Евангелие» 1393 г. встречается написание некоторых слов с отражением аканья: **прикаснѣлся, покланяется, продающимъ, вертаградъ** и др.

Обратимся еще раз к небольшому отрывочку из «Мстиславовой грамоты» ...**дон~лнже с# миръ състоитъ молитѣ бога за м# и за моh днти...**

Здесь видим глагол в форме III лица **състоитъ** (т.е. стоит), имеющий на конце букву **Ѧ**, которая указывает, что согласный **Т** звучал сначала полумягко, а затем мягко. Следовательно, современные южные формы третьего лица (*жана жд'от', на чалофк'и наладит'*) также являются древнерусским наследием, которое утрачено литературным языком. В этом же древнерусском памятнике встречаются следующие глагольные формы III лица (см. слайд 7): **почнеть** (начнёт), **втимаеть** (отнимает), **с# изоустанеть** (останется), **вбндаеть** (обедает), **запъртитъ** (запортит), **да соудитъ** (да судит).

В этом же отрывке (слайд 6) видим особую энклитическую форму местоимения I лица – **за м#**, т.е. «молите бога за меня» – форма винительного падежа. Ту же форму, наряду с основной, имело в древнерусском языке местоимение II лица **ч#** (т.е. тебя) и возвратное местоимение **с#**, которое, кстати, мы тоже видим в нашем отрывке.

Так вот, в современных русских говорах сохранились эти древние сокращенные формы местоимений I и II лица: [*Хто т'а абижаит'?* *Бох т'а знаит'*].

Что же стало с энклитической формой возвратного местоимения *с#*? Присоединившись навсегда к глаголу, эта форма стала современной возвратной частицей: *умывать* – *умываться* (т.е. *умывать кого?, что? – себя*), *одевать* – *одеваться* и т.д.

А теперь догадайтесь, как выглядели в древнерусском языке *полные* формы местоимений I, II лица и возвратного в родительном и винительном падеже (т.е. современные литературные *у меня, у тебя, у себя, вижу меня, тебя, себя*)? Эти формы в древности имели окончания –*е* (*у мене, у тебе, у себе*). Следовательно современные *южные* формы местоимений (см. слайд 4) (в нашем тексте (см. слайд 3), например, – *атв'ажыс' ат м'ин'е*) также представляют собой древнерусское наследие современных говоров.

Кроме того, в современных говорах сохраняются *слова*, возникшие в древности, но утраченные литературным языком: *вёдро* 'ясная погода', *губа* 'гриб', *орать* 'пахать', *лони, лонись* 'в прошлом году', *беремя* 'ноша, охапка', *лада* 'супруг, супруга, возлюбленный, возлюбленная' и мн. др.

Все отмеченное – лишь малая часть того, что объединяет диалекты русского языка с его историей.

Еще одна причина научного интереса к современным говорам связана с активно развивающимися в современной лингвистике направлениями: лингвокультурологией и этнолингвистикой.

Дело в том, что диалектная речь служит средством выражения этнокультурной информации. Поскольку говоры, как мы сказали выше, имеют устную форму бытования, в них сохраняется только самое яркое и самое важное для человека.

Диалекты вбирают в себя особенности истории и культуры народа (или его части) и выражают это в языке. В народном языке отражается взгляд на мир, на жизненные ценности, на осознание народом себя как части мира. Безусловно, наиболее показательной в этом смысле является *диалектная лексика*, т.е. слова, бытующие на ограниченной территории.

Ярким примером говоров, несущих мощный этнокультурный «заряд», являются современные донские говоры.

Русские донские говоры – это говоры донского казачества, расположенные на территории части Волгоградской и Ростовской областей – бывшая территория Области Войска Донского (до 1918 г.). Формировались эти диалекты в XVI-XVII вместе с формированием казачества как сословия.

Донское казачество исторически сложилось как военное сословие, с особым образом жизни (см. слайды 8, 9, 10, 11).

Казачи участвовали в военных действиях, были относительно независимы, находились на обеспечении государства. Все это ставило казачество в

особое положение, способствовало образованию замкнутого привилегированного сословия. Своеобразие жизненного уклада нашло отражение в языке казаков.

В связи осознанием казаками себя как особого сословия, отличного от других, сформировалось и особое отношение к своему языку. Казаки издавна стремились сохранить свой язык, оградить от воздействия других говоров. Вследствие этого в течение нескольких веков донские говоры, взаимодействуя только между собой, превратились в сплав, который испытывал воздействие только со стороны литературного языка, и сохранялся благодаря особому самосознанию казаков. Донские говоры однородны, сходны по языковым чертам, поэтому в диалектологии о них говорят как о **донском диалекте**.

Донской диалект сформировался на южной основе, т.е. по своей сути это *южнорусский говор*, обладающий всеми чертами южного наречия, однако для донского говора свойственно много особого, чего нет нигде. В первую очередь это касается лексики.

Послушайте отрывок из текста, записанного в 1973 в х. Краснодонский Иловлинского района Волгоградской области (слайд 12):

[Ф службу выхад'ил'и на фс'ом свайом; фс'о свайо було, с'адло свайа, уьсударств'инныва н'ичаво н'ь було. Стан'шиньй правл'ен'ийь значица знаит', какой жыв'от' б'еднь, правл'ен'ийь пькупают' кан'а и с'адло, и фс'у абмунд'иран'ийь... Так'ийь-ть был'и д'ала...].

На Дону появилось и до сих пор существует множество слов и выражений, восходящих к временам казачьей военной жизни. Например, в донских говорах до сих пор существует глагол *атаманить* со значением 'командовать, руководить'. С возрождением же казачества слово *атаман* (*хуторской, станичный, окружной*) возвратилось и используется в своём историческом значении (выборный начальник хутора, станицы, округа).

Об особо тёплом отношении казака к коню свидетельствуют выражения *бегать конём* (быть физически сильным), *не в своем седле* (чувствовать себя неуютно, некомфортно), *наехать конём* (резко наскочить, не дать опомниться) или прилагательное *коневитый*, характеризующее красивого, здорового человека.

Особый, народный, взгляд на мир проявляется и в других сферах языка, например, в бытовой лексике (названиях предметов быта, одежды и т.п., а также характеристиках человека в быту).

Зыбка – люлька для младенца.

Донска'я шуба – крытая, особого широкого покроя, в которую можно было завернуть ребенка.

Супря'дки – коллективная помощь в какой-либо работе.

Чисто'тка – опрятная женщина, хорошая хозяйка.

Отражение народной картины мира можно проследить во всех пластах диалектной лексики.

Говоря об особенностях народной речи, нельзя обойти вниманием то, как бережно, экономно и, вследствие этого, ярко и точно пользуются деревенские жители ресурсами языка, как творчески переосмысливают и воплощают в языке мир, находящийся вокруг. И происходит это иными путями, нежели в литературном языке. Ярким примером такого переосмысления служат диалектные метафорические наименования.

Предлагаю рассмотреть некоторые примеры метафор в метеорологической лексике донских говоров. Метеорология, погода, состояние атмосферы – это, на первый взгляд, ниша языка, полностью занятая литературной нормой... Но это только на первый взгляд.

Действительно, в русском литературном языке закрепилось немало слов и выражений с метафорическими значениями, называющих и погодные явления, и «явления» из жизни человека. Так, *хмурым* мы называем мрачного, угрюмого человека и пасмурный, сумрачный день. Да и прилагательное *пасмурный* тоже является универсальным в этом смысле. *Холодный*, сдержанный человек наверняка похож на один из *холодных* зимних дней. А уж если дома *мечут громы и молнии*, то чувствуешь себя совсем неуютно, как в поле во время грозы, и понимаешь, что *погода в доме* испортилась.

«Важней всего погода в доме...», – поётся в популярной эстрадной песне, и все мы прекрасно понимаем, что речь идёт об отношениях людей. Эта метафора стала привычной для нас.

Но еще более интересными и неожиданными оказываются подобные слова и выражения, бытующие в русских говорах, где речь не «написана пером» в нормативных словарях и ярко проявляется народная смекалка и наблюдательность, например, *лохматый* – название первого снега, *пособник* – попутный ветер, а *противник* – встречный ветер.

Исследуя метеорологическую лексику донских говоров, мы встретились с рядом таких слов-произведений, в основе значения которых лежит сравнение с человеком:

- его качествами характера, настроением, межличностными отношениями: *губа'н неженатый* – ветер, *дря'зга* – мокрый снег с дождём, *ду'ра* – сильная метель, буран, *нудьга'* – непогода, мгла, *посо'бник* – попутный ветер, *проти'вник* – встречный ветер, *тва'рь* – мокрый снег;

- его внешним видом: *голощёк* – гололедица, *лохматый* – первый снег, *плешина* – голое, не покрытое снегом место.

Многие исследователи диалектов отмечают, что наиболее ярко языковое творчество сельских жителей проявляется прежде всего в словах, содержащих отрицательную оценку. Не является исключением и метеорологическая лексика: *дура* – сильная метель, буран; *тварь* – мокрый снег; *нудьга* – сырая, промозглая погода и др. Плохая погода чаще «способствует» языковому творчеству.

Наверняка у многих из вас возникли вопросы, касающиеся причин, оснований появления того или иного названия.

Основания для переноса наименования (чем, по сути, и является метафора) в одних случаях совершенно ясны, например, это внешнее сходство (*плешина, голощёк*) или сходство функций (*пособник, противник*), или только лишь сходство вызываемой эмоции (*тварь, дура*).

В других случаях эти основания можно проследить только при помощи этимологических словарей, заглянув в историю слова.

Данные этимологических словарей подтверждают тот факт, что диалектные «метеорологические» значения у большинства рассматриваемых слов развились позже, чем первичные, относящиеся к человеку.

Так, например, существительное *нудьга* – ‘непогода, сырой туман, мгла’. В поисках основания для метафорического переноса мы обратились к этимологическому словарю Макса Фасмера. Он, рассуждая о слове *ну’да* – принуждение, плохое житьё, объединяет его по происхождению с украинским *нуда* – скука, неудовольствие, мука, белорусским *нуда* – нужда, нечистоплотность, чешским, польским, словацким *nuda* – скука, а также древнерусским *нѹдѣти* – принуждать.

Владимир Иванович Даль также указывает формы *ну’да, нудга’, нудота’* со значением, относящимся к человеку: ‘дурнота, тошнота, тоска’.

Следовательно, перенос названия (см. слайд 13) произошел на основании сходства эмоций (скука, неудовольствие, тоска), вызываемых таким погодным явлением как мгла, сырой туман, т.е. наименование эмоции человека стало наименованием метеорологического явления.

Поистине настоящим шедевром народного языкового творчества является сочетание *губан неженатый* со значением ‘ветер’.

Не каждый, услышав такое название, догадается о его мотивировке. Кто такой губан? И почему неженатый? И вообще, при чём здесь ветер?

Ответы на эти вопросы находим в словарях.

В.И. Даль записал сочетание *холостой ветер* – дующий несколько суток подряд без перерыва.

Эдуард Макарович Мурзаев в своём «Словаре народных географических терминов» упоминает *женатый ветер* – затихающий на ночь. Значит, если ветер женат, ночью он не дует, успокаивается, а вот холостой «гуляет» и день, и ночь.

На вопрос о том, кто такой *губан*, снова помогает ответить В.И. Даль. Он отмечает, что слово *губан* (первично – человек с большими губами) может употребляться также со значением ‘тот, кто обижается, дует губы’.

Так становится ясным, что изначально *губан неженатый* – это ветер суровый (так как обиженный), и круглые сутки он дует, потому что и днём, и ночью он одинок (видимо, из-за того, что холост). Позже так стали называть просто ветер.

Остаётся без ответа вопрос: или он неженат, потому что всегда дует губы, или дует губы, потому что никак не найдёт себе спутницу жизни. Но таких сложных вопросов метеорология не касается. Это уже сфера «погоды в доме».

Позвольте мне на этой иронично-философской ноте закончить лекцию. Надеюсь, что услышанное заинтересовало вас и заставило *иначе* взглянуть на речь деревенских жителей.

Использованная литература и лексикографические источники

1. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых словосочетаний / Рост. гос. ун-т, Фак. филологии и журналистики, Каф. общ. и сравнит. языкознания. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.
2. Брысина, Е.В. Военная лексика и фраземика в языке донского казачества / Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун // Вопросы краеведения. Вып. IX: материалы XV и XVI краевед. чтений. – Волгоград, 2005. – С. 147-153.
3. Василенко, И. А. Историческая грамматика русского языка: б. упражнений /И.А. Василенко. – М.: Просвещение, 1984. – 240 с.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 2000. (Д.)
5. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка. – 3-е изд. / В.В. Иванов.– М.: Просвещение, 1990. – 400 с.
6. Иванов, В. В. Хрестоматия по истории русского языка /В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. – М.: Просвещение, 1990. – 496 с.
7. Кудряшова, Р. И. Историческая грамматика русского языка: Учеб.- метод. пособие Р.И. Кудряшова – Волгоград: Перемена. 2005. – 136 с.
8. Кудряшова, Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: учеб пособие / Р. И. Кудряшова – Волгоград: Перемена, 1997. – 124 с.
9. Кудряшова, Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): монография / Р. И. Кудряшова – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.
10. Кудряшова, Р.И. Практические занятия по русской диалектологии. Уч.-метод. пособие / Р.И. Кудряшова – Волгоград: Перемена, 1999. – 76 с.
11. Кузнецова, Е. В. О том, когда на улице *дрязга*, *нудьга* и *неженатый губан* / Е. В. Кузнецова // Русская речь. – 2005. – № 1. – С. 113 – 116.
12. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653 с. (Мрз.)
13. Русская диалектология: учеб. для студ. пед. ин-тов / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.
14. Словарь русских донских говоров Волгоградской области / Авторы-составители Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Вып. 1-5. – Волгоград: Издательство ВГИПК РО, 2006 – 2008.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева – 2-е изд., стер. – М.: Про-

гресс, 1964 – 1973. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова
В. Г. Орловой. – 2-е изд. – М.: Наука, 1967. – 304 с.

Дополнительная литература

1. Аванесов, Р. И. Лингвистическая география и история русского языка / Р. И. Аванесов // *Вопр. языкознания*. – 1952. – № 6. – С. 25 – 47.
2. Аванесов, Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1 / Р. И. Аванесов. – М.: Учпедгиз, 1949. – 334 с.
3. Баранникова, Л. И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения / Л. И. Баранникова // *Говоры территории позднего заселения: межвуз. науч. сб.* – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – Вып. 1. – С. 3 – 15.
4. Баранникова, Л. И. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения / Л. И. Баранникова // *Язык и общество* / отв. ред. Л. И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. – С. 16 – 35.
5. Баранникова, Л. И. Русские народные говоры в советский период / Л. И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967а. – 206 с.
6. Блинова, О. И. Русская диалектология. Лексика: учеб. пособие / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984а. – 144 с.
7. Блинова, О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: учеб. пособие для студ. филол. ун-тов / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984б. – 192 с.
8. Борковский, В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М.: Наука, 1965.
9. Вендина, Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и языковая картина мира русского народа / Т. И. Вендина // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*. 1995. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. – С. 11 – 18.
10. Вендина, Т. И. Ценности и оценки в пространстве словообразования / Т. И. Вендина // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*. 1997. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. – С. 24 – 34.
11. Гак, В. Г. Лексическое значение слова / В. Г. Гак // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – С. 262.
12. Голев, Н. Д. О семантических типах мотивационных отношений / Н. Д. Голев // *Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение* / под ред. Г. М. Шатрова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 31 – 41.
13. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М.: Высш. шк., 1981.
14. Горшкова, К. В. Историческая диалектология русского языка / К. В. Горшкова – М., 1972.

15. Гриб, Р. Т. Семантические особенности наречий, имеющих единый план выражения в диалектном и литературном языке (К проблеме общенародного слова в говоре) / Р. Т. Гриб // Материалы и исследования по сибирской диалектологии / отв. ред. К. П. Михалап. – Красноярск: Изд-во КГПИ, 1981. – С. 27 – 36.
16. Иванов, В. В. Историческая диалектология русского языка: памятники письменности и современные диалекты как её источники / В. В. Иванов // Филол. науки. – 1997. – № 6. – С. 75 – 86. Коготкова, Т. С. К вопросу об освоении лексико-семантических единиц литературного языка в современных русских говорах / Т. С. Коготкова // Вопр. языкознания. – 1977. – № 3. – С. 101 – 112.
17. Иванов, В.В. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе: Пособие для учителей /В.В. Иванов, З.А. Потиха – М.: Просвещение, 1978.
18. Коготкова, Т. С. Русская диалектная лексикология: (состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова – М.: Наука, 1979. – 335 с.
19. Кудряшова, Р. И. О семантических вариантах диалектных слов в волгоградских говорах / Р. И. Кудряшова // Семасиологические аспекты значения: сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград, 1997. – С. 149 – 155.
20. Кудряшова, Р. И. Семантика слова погода в волгоградских говорах / Р. И. Кудряшова, Т. Н. Колокольцева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1998. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001. – С. 174 – 178.
21. Макушева, О. А. Метеорологическая лексика в орловских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Макушева. – Орёл, 1994. – 17 с.
22. Орлов, Л.М. Русская диалектология: современные процессы в говорах /Л.М. Орлов, Р.И. Кудряшова – Волгоград, 1998.
23. Орлов, Л.М. Русские говоры Волгоградской области / Л.М. Орлов. – Волгоград, 1984.
24. Русская диалектология / под ред. В.В. Колесова. М., 1998.
25. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972.
26. Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. М., 1973.
27. Филин, Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектолог. очерк / Ф.П. Филин. – Л.: Наука, 1972.
28. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
29. Шмелёв, Д. Н. Слово и образ / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1964. – 120 с.
30. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык: Лексика: учеб. пособие для пед. ин-тов / Д. Н. Шмелёв. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

Глоссарий к лекции

Аканье – неразличение в произношении звуков О и А в безударной позиции.

Говор – мельчайшая единица диалектного членения языка. Говор бытует в речи жителей 1 населенного пункта (реже нескольких соседних, однородных в языковом отношении).

Группа говоров (диалектная группа) – главная величина современного диалектного членения. Несколько говоров, характеризующихся близостью и общностью основных языковых черт.

Диалект – разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью.

Диалектизм – характерная для территориального диалекта языковая особенность.

Диалектное слово – слово, бытующее на ограниченной территории.

Диалектология – раздел языкознания, изучающий местные, территориальные разновидности языка, диалекты.

Донской диалект – речь донского казачества, бытующая на территориях Волгоградской и Ростовской областей, южнорусская по своей основе.

Древнерусский язык – общий язык восточных славян, сформировавшийся в Древнерусском государстве (XI – XIV вв.), представлявший собой сплав восточнославянских диалектов.

Лингвокультурология – дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанная с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса.

Литературный язык – основная, наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации.

Метафора – перенос наименования с одного предмета (или явления) на другой, основанный на сходстве этих предметов.

Наречие – наиболее крупная единица диалектного членения языка, совокупность групп говоров, объединенных общими признаками.

Национальный язык – социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством общения нации, и выступающий в двух формах: устной и письменной.

Оканье – различение в произношении звуков О и А в безударной позиции.

Цоканье – неразличение в произношении звуков Ц и Ч: произношение Ц вместо Ч.

Этимология – раздел языкознания, изучающий происхождение слов.

Этнолингвистика – направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка.

Яканье – произношение в первом предударном слоге после мягких согласных звука [а] на месте гласного неверхнего подъема.